

Научная статья
УДК 342.731
doi: 10.17223/15617793/514/26

Тенденции конституционного развития в XXI в.: российский и зарубежный опыт

Анастасия Александровна Исаева¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, tess@mail2000.ru*

Аннотация. Рассмотрены особенности конституционных преобразований стран в XXI в. Исследованы изменения, имеющие различную форму внешнего выражения и содержательное наполнение. Проанализированы направления в содержании конституционной реформы в России 2020 г., которые подвергнуты сопоставлению с зарубежным опытом. Сделан вывод о том, что конституционные преобразования в нашей стране соответствуют основным общемировым тенденциям и отражают переход российского общества на новый этап своего развития.

Ключевые слова: поправки в Конституцию, политическая власть, национальная идентичность, законодательство, конституционные реформы, конституционный процесс

Для цитирования: Исаева А.А. Тенденции конституционного развития в XXI в.: российский и зарубежный опыт // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 224–233. doi: 10.17223/15617793/514/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/26

Constitutional development trends in the 21st century: Russian and foreign experience

Anastasiya A. Isaeva¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, tess@mail2000.ru*

Abstract. In this study, the author addresses the problem of defining the main trends in constitutional development in Russia and those foreign countries whose current constituent documents were adopted in the 21st century. It is noted that constitutional transformations can have different external forms of objectification, on the one hand, and substantive content, on the other. In the latter case, two development vectors can be distinguished: consolidation of new legal institutions or a change in the model of legal consolidation, the implementation of existing institutions. In foreign countries in the 21st century, constitutional transformations of both types took place. The aim of this article is to identify the extent to which the changes in legal reality occurring during the constitutional reform of 2020 correspond to global modern trends. The study is based on theoretical material from the works of foreign (L. Turner, T. Vermeulen, R. Acker) and domestic (S.A. Avakyan, I.A. Alebastrova, A.V. Nechkin, I.V. Ponkin, M.S. Salikov, T.Ya. Khabrieva, and others) scientists. The texts of constituent documents of more than 47 countries were also used. The methodological basis of the study was the dialectical, comparative legal and formal legal methods. In particular, the use of the dialectical method contributed to the study of the problems of the development of various legal institutions during the period of validity of their various constituent documents. The use of comparative legal and formal legal methods helped to identify the content of individual trends in the constitutional development of foreign countries and Russia, and compare them with each other. As a result, the author came to the conclusion that the trends in the constitutional development of foreign countries include: consolidation of the principles and goals of state building, which often include commitment to justice, values of law, etc.; an indication of the strengthening of national unity and identity; changes in approaches to regulating the rights and freedoms of man and citizen, and the emergence of new human rights; emphasis on socio-economic well-being; consolidation of measures to ensure territorial security and protect national interests. In Russia, constitutional development manifested, among other sources, in the text of the law on the amendment to the Constitution of 2020, is in the wake of global trends. The emphasis is on the new international and social context with the aim of consolidating society and legitimizing the political regime, which reflects the transition of society to a new stage of its development.

Keywords: constitutional amendments, political power, national identity, legislation, constitutional reforms, constitutional process

For citation: Isaeva, A.A. (2025) Constitutional development trends in the 21st century: Russian and foreign experience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 224–233. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/26

Конституционные преобразования играют значимую роль в жизни любого государства. Они являются основой для формирования правовой системы, определения принципов государственной власти и защиты

прав граждан. Однако эти преобразования не происходят в одночасье; они являются постоянным процессом, который развивается с разной степенью интенсивности в зависимости от исторических, культурных и социологических факторов. Ход общественного развития определяет содержание конституционных преобразований и им же легитимизируется. Наша страна, как и весь мир, вступает в новую эпоху. Поднимаясь над крайностями модерна и постмодерна, назрела необходимость увидеть мир в единстве его многообразия. Сформировался новый подход к осмыслению культуры и права, которую современные исследователи называют по-разному: метамодерн, постпостмодерн.

Термин «метамодерн» получил распространение в России. Он был введен в научный оборот в 2010 г. философом Робин ван ден Аккером и норвежским теоретиком медиа Тимотеус Вермюленом в эссе «Заметки о метамодернизме» [1]. Учитывая, что конституционно-правовое регулирование может быть эффективным, если отражает в должной мере фактически складывающиеся общественные отношения, переход к новому этапу общественного развития должен найти свое отражение в конституционно-правовом регулировании.

Анализ опыта конституционных преобразований зарубежных стран в XXI в. позволяет выделить ряд общих тенденций, которые могут быть соотнесены с российской практикой конституционного строительства. В 2020 г. в нашей стране прошла крупная конституционная реформа, был принят Закон о поправке к Конституции [2], которым «из 67 статей, в которые можно вносить поправки, изменена была 41 статья (т.е. более половины)» [3]. С.А. Авакьян пишет о том, что в данном случае «есть основания говорить о принятии новой Конституции Российской Федерации» [4], в силу характера изменений, пополнивших ряд положений всех глав, кроме 1, 2 и 9, а также процедуры их принятия, предусматривающей общероссийское голосование. Эти изменения конституционного дизайна России вызвали серьезные дискуссии в научном сообществе [5–7]. Оценка их уникальности и соответствия общемировым тенденциям конституционного развития позволит определить вектор отечественного конституционного развития и открывает перспективы разработки «дорожной карты» пересмотра отдельных положений в ходе будущих конституционных преобразований. От глубины осмысления конституционно-правовой действительности зависит качество юридической практики. Учет опыта развития современных зарубежных стран представляет научный интерес, так как показывает, что строительство современной демократии в Российской Федерации возможно с учётом достижений мировой цивилизации и на основе собственного исторического опыта.

Конституционные преобразования, с одной стороны, могут иметь разную внешнюю форму объективации, что позволяет говорить о нескольких способах изменений конституционного правопорядка. Во-первых, это может быть принятие нового учредительного акта страны. Так, в XXI в. в мире было принято более 68 конституций в 46 странах.

В некоторых государствах в тот же период последовательно принималась одна конституция за другой, новая отменяла предыдущую. Поэтому часть учредительных актов, принятых в XXI в., в настоящий момент уже не действует. Например, в Алжире было принято три конституции: 2008 г., 2016 г. и 2020 г. Такое же количество учредительных актов было принято в Доминиканской Республике (конституции 2002 г., 2010 г., 2015 г.). Пять конституций было принято в Центральной Африканской Республике (2003 г., 2004 г., 2013 г., 2015 г., 2023 г.). По две конституции в XXI в. было принято в Бурунди, Киргизии, Кот-д'Ивуаре, Коморах, Республике Конго, Нигере, Тунисе и т.д. Во-вторых, конституционные преобразования могут происходить в порядке внесения изменений в уже действующие учредительные акты. Например, в XXI в. крупные конституционные реформы прошли в Великобритании, Вьетнаме, России, Франции, Германии, Туркменистане и т.д. В-третьих, конституционные преобразования могут протекать и без текстуальных изменений, при неизменности текста учредительного документа страны. Например, применительно к нашей стране Т.Я. Хабриева и Л.В. Андриченко отмечают, что «даже при относительной неизменности текста Конституции РФ модель конституционного развития Российской Федерации не раз подвергалась изменениям. Особенно заметным было изменение федеративного устройства, что связано с происходившим неоднократным реформированием, прежде всего, в системе разграничения полномочий между органами власти различных территориальных уровней. Значительной модификации подверглось и местное самоуправление, которое также меняло направления своего развития. Однако все это происходило на фоне конституционной стабильности указанных отношений, поскольку их общие конституционные принципы заложены в основах конституционного строя» [8. С. 275]. Тогда как «изменение конституции» не приводят к трансформации основ конституционного строя, фундаментальных принципов государства и общества.

С другой стороны, если исходить из содержания и масштабов конституционных преобразований, то можно согласиться с Т.Я. Хабриевой и Л.В. Андриченко, которые отмечают, что изменения конституционного текста имеют неодинаковую значимость и следует различать понятия «изменение конституции», «поправка к конституции», «реформа конституции», «пересмотр конституции» [8. С. 274]. При этом конституционная реформа понимается как целенаправленное и наиболее существенное изменение конституционно-правовой формации. Это «единовременный или продолжительный политико-правовой процесс по преобразованию конституционного текста, который характеризуется изменениями фундаментальных основ государства и общества, целеполаганием, достаточным ресурсным обеспечением и определенными юридическими и фактическими результатами» [8. С. 286].

При содержательном изменении конституционных текстов можно выделить два вектора развития: закрепление новых правовых институтов или смена модели

правового закрепления, реализация уже существующих институтов. В последнем случае речь ведется о тенденциях развития самого этого конституционного института, которое может быть очень конъюнктурно обусловленным. Так, на развитие формы правления влияние оказывают политические элиты, распределение власти в стране и т.д., на развитие государственно-церковных отношений – религиозная стратификация населения, позиция традиционных для этой страны конфессий и т.д. Кроме того, доктринально могут пересматриваться отдельные научные категории и классификации. Например, в последнее время предпринимаются попытки пересмотреть классификацию форм правления [9, 10] или моделей государственно-конфессиональных отношений. В последнем случае общепринятой классификации нет, как и типологии светских государств [11. С. 143–204].

В качестве факторов, обуславливающих проведение конституционных преобразований на современном этапе общественного развития, можно говорить о разного рода кризисах: ценностей в обществе, безопасности, общим лейтмотивом которых является укрепление суверенитета и верховенства власти в государствах. Но ситуация, когда конституционные нормы возникают как ответ на вызовы современного мира, таит в себе опасности, так как конституционные преобразования становятся лишь ответом на запрос сегодняшнего дня и не становятся продуктом общественного развития.

Анализируя практику конституционного строительства зарубежных стран, можно выделить некоторые содержательные тенденции конституционного развития. Так, в текстах учредительных актов усилена ценностная составляющая и более четко фиксируется, что в данном государстве признается в качестве конституционных ценностей. Под ними можно понимать «совокупность универсальных и приоритетных социальных принципов (целей, установок), формализованных в Основном Законе и (или) исходящих из результата конституционно-оценочной деятельности судебных органов конституционного контроля, обеспечивающих наиболее оптимальное развитие личности, общества и государства на основе баланса частных и публичных интересов, опирающегося на принцип справедливости» [13]. Вместе с тем в силу своего особого значения они «оказывают значительное влияние на право в целом, в том числе на право как самостоятельную ценность» [14].

Во многих конституциях зарубежных стран закрепляются общечеловеческие ценности, приверженность ценностям права и справедливости, достоинства человека. Так, верховенство права или закона провозглашены в Бутане, Сербии, Черногории, Египте, Зимбабве, Кении, Республике Косово, Мозамбике, Фиджи, Сирии, Таиланде. В статье 4 Конституции Коморских островов 2018 г. указано, что государство уважает законы и требует их уважения от других. Как государство основанное на уважении основных прав и свобод человека, себя позиционируют Мозамбик (ст. 3 Конституции 2004 г.), Зимбабве (ст. 3 Конституции 2013 г.), Кения (ст. 10 Конституции 2010 г.),

Кот-д'Ивуар (ст. 28 Конституции 2016 г.), Республика Косово (ч. 2 ст. 3, ст. 7 Конституции 2008 г.), Фиджи (ст. 1 Конституции 2013 г.). В статье 7 Конституции Ливии 2011 г. закреплено, что государство защищает основные права и свободы человека. На конституционном уровне гарантируют и защищают достоинство личности в Анголе (ст. 1 Конституции 2010 г.), Алжире (ст. 29 Конституции 2020 г.), Бутане (ст. 9 Конституции 2008 г.), Доминиканской республике (ст. 7 Конституции 2015 г.), Египте (ст. 51 Конституции 2014 г.), Кубе (ст. 13 Конституции 2019 г.), Тунисе (ст. 25 Конституции 2022 г.), Сирии (ст. 19 Конституции 2012 г.). Как государства, основанные на уважении человеческого достоинства, себя провозгласили Доминиканская республика (ст. 5 Конституции 2015 г.), Коморские острова (ст. 1 Конституции 2018 г.), Фиджи (ст. 1 Конституции 2013 г.), Судан (ст. 4 Конституционной хартии на переходный период 2019 г.¹).

О священном характере человеческой личности говорится в ст. 16 Конституции Демократической республики Конго 2006 г., ст. 8 Конституции Республики Конго 2015 г., ст. 11 Конституции Нигера 2010 г., ст. 7 Конституции Сенегала 2001 г., ст. 16 Конституции ЦАР 2023 г.; человека – в ст. 13 Конституции Руанды 2003 г. Согласно ст. 18 Конституции Катара 2003 г., общество основано на принципах справедливости, благотворительности, свободы, равенства и высокой морали.

В конституциях XXI в. часто содержатся статьи, определяющие цели, задачи или принципы государства. Например, список целей (или задач) определен в Конституциях Анголы, Восточного Тимора, Мозамбика, Кении, Коморских островов, Кубы, Мозамбика, Мьянмы, принципы – в Конституции Руанды. Цели государственных институций прописаны в Конституции Алжира 2020 г., в Конституции Зимбабве 2013 г. Нередко в таких списках отдельно оговариваются защита суверенитета, принципы международной политики, содействие развитию отдельных областей (экономики, научно-технического прогресса), утверждение принципов плюрализма, толерантности, мультикультурности. В качестве одного из положений можно встретить указание на укрепление национального единства и усиление национальной идентичности государств. Это проявляется в ссылках на историю государства, национальный язык, национальную культуру, национальные ценности, провозглашение единства нации.

Например, в качестве отдельных целей государства в Кубе оговаривается укрепление национального единства и защита исторического и культурного наследия нации (ст. 13 Конституции 2019 г.), в Мозамбике – укрепление национального единства и утверждение мозамбикской идентичности, ее традиций и других социальных и культурных ценностей (ст. 11 Конституции 2004 г.). В статье 9 Конституции Алжира 2020 г. закреплено, что народ должен создавать институты с целью сохранение и укрепление национальной идентичности и единства. Согласно ст. 20 Конституции Катара 2003 г., государство стремится укреплять дух национального единства, солидарности и братства среди всех граждан. О национальном единстве как ценности говорится и в Конституции Кении 2010 г. В статье 11 Конституции

Мозамбика 2004 г. одной из основных целей ставится утверждение мозамбикской идентичности, ее традиций и других социальных и культурных ценностей.

Нужно отметить, что в ряде стран обязанности, связанные с укреплением национального единства, переносятся с государства на человека, гражданина или народ. Так, в Ливии в ст. 9 Конституции 2019 г. на граждан возлагается обязанность защищать Родину, сохранять ее национальное единство. Согласно ст. 29 Конституции Чада 2021 г., уважение и защита национального наследия являются обязанностью каждого гражданина. В ст. 47 Конституции Сирии 2012 г. государство гарантирует защиту национального единства. В статье 4 Конституции Египта закреплено, что народ охраняет свое национальное единство.

В ряде конституций предусмотрен перечень принципов построения государства. О национальной солидарности как принципе построения государства говорится в ст. 3 Конституции Нигера 2010 г., ст. 2 Конституции ЦАР 2023 г.

Но нормы об обязанности государства усиливать национальную идентичность встречаются и в тех странах, где отдельно в конституциях не зафиксирован список целей, стоящих перед страной. В ст. D Конституции Венгрии 2011 г. прямо говорится о единстве венгерской нации и государстве, которое будет поддерживать усилия народа по сохранению своей венгерской идентичности. В статье 58 Конституции Республики Косово 2008 г. закреплено, что государство обеспечивает соответствующие условия, позволяющие общинам и их членам сохранять, защищать и развивать свою идентичность. А согласно ч. 3 ст. 57 этого же акта, все члены сообществ имеют право свободно выражать, поддерживать и развивать свою идентичность и общественные качества. Согласно ст. 5 Конституции Фиджи 2013 г., все фиджийцы имеют равный статус и идентичность. Согласно ст. 21 Конституции Эквадора 2008 г. люди имеют право создавать и поддерживать собственную культурную идентичность.

Термин «национальная идентичность» нередко используется в текстах преамбул учредительных документов как «вводного текста, имеющего, как правило, политическую направленность», необходимого для того, «чтобы осветить пройденный страной путь, дать характеристику общества на современном этапе его развития, изложить сущность и главные задачи государства, сказать о целях конституции и провозгласить ее принятие» [15. С. 531]. Например, он использован в преамбуле Конституции Коморских островов 2018 г., Конституции Марокко 2011 г., Конституции Сирии 2012 г.

Сохранение подлинной национальной идентичности невозможно без традиционно связанного с нею языка общения. «И, как правило, в прошлом немало народов исчезало вместе со своим языком (шумеры)» [16]. Установление государственного языка и детальное регулирование мер по поощрению и развитию всех языков страны есть в конституциях Афганистана, Бахрейна, Боливии, Бурунди, Кыргызстана, Кении. Кроме того, может предусматриваться создание специального органа, регулирующего вопросы, связанные с государственным языком.

В Конституции Алжира 2020 г. особо оговаривается статус государственного языка. В статьях 3–4 закрепляются национальный и официальный языки. В стране создается Высший совет по арабскому языку (ст. 3) и Алжирская академия языка тамазигхт (ст. 4). Согласно ст. 19 Конституции Анголы 2010 г., государство должно ценить и поощрять изучение, преподавание и использование других ангольских языков, помимо основных языков международного общения. В Марокко ст. 5 Конституции 2011 г. подробно регулирует вопросы реализации официального языка и его сохранения, а также на основании этой нормы создается Национальный совет по языкам и марокканской культур. В Непале, помимо общего регулирования вопросов связанных с государственным языком, конституция предусматривает, что вопросы, касающиеся языка, решаются правительством Непала по рекомендации Комиссии по языку (ст. 7 Конституции Непала 2015 г.).

В статье H Конституции Венгрии 2011 г. не только закрепляется государственный язык, но на государство возлагается обязанность по защите венгерского языка и отдельно оговаривается защита венгерского языка жестов как части венгерской культуры. Об обязанности государства поощрять и развивать язык жестов, создавать условия для его развития говорится в ст. 6 Конституции Зимбабве 2013 г. Кроме того, в этой стране на конституционном уровне на государство и все его институты и органы власти на всех уровнях возлагается обязанность обеспечить равное отношение ко всем официально признанным языкам; учитывать языковые предпочтения людей, затронутых правительственными мерами или коммуникациями.

Таким образом, сейчас нередко в учредительных документах государств отдельно фиксируются перечнем цели (задачи или принципы), стоящие перед государством и обществом и определяющие основные идеи национальной идентичности. Ее сохранение обеспечивается все возрастающей детализацией регулирования использования и поощрения развития национального языка, в том числе через создание и деятельность специальных государственных органов власти. В свою очередь обязанность по укреплению национального единства может возлагаться или на государство, или на человека.

В XXI в. в качестве еще одной тенденции конституционного развития можно выделить изменение в подходах регулирования правового положения личности и его принципов. Отмечается переход от традиционного закрепления принципа недискриминации и равенства прав и свобод человека и гражданина к принципу принятия каждого таким, какой он есть, со всем его особенностями. В статье 2 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. закреплено, что каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения. Эта формулировка позже дублировалась в

иных международных источниках права (например, в ч. 1 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и в ч. 2 ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.), в текстах национальных конституций, в том числе и в нашей стране в ч. 2 ст. 19. Сейчас подход меняется, что проявляется, например, в особенностях закрепления конституционной категории равноправия. В части 2 ст. 35 Конституции Алжира 2020 г. предусмотрено, что институты Республики стремятся обеспечить равенство прав и обязанностей всех граждан путем устранения препятствий, мешающих развитию человеческой личности и препятствующих эффективному участию всех в политической, экономической, социальной и культурной жизни.

В ряде конституций среди признаков, которые учитываются при определении фактов дискриминации, помимо «традиционных» для международного и конституционного права зарубежных стран пола, возраста, этнического происхождения, цвета кожи, религиозных убеждений и т.д., указаны также признаки сексуальной ориентации, гендерной идентичности, инвалидности (ст. 42 Конституции Кубы 2019 г.); умственной или физической неполноценности (ст. 17 Конституции Мальдив 2008 г.), физических или умственных недостатках (ст. 16 Конституции Руанды 2003 г.), клана, инвалидности (ст. 11 Конституции Сомали 2012 г.), инвалидности (ст. 4 Конституционной хартии на переходный период Судана 2019 г.), инвалидности, физическом состоянии или состоянии здоровья (раздел 27 Конституции Таиланда 2017 г.), инвалидности (ст. 14, 20 Конституции Эсвантини 2005 г.). В статье 4 Конституции Эквадора 2008 г., вероятно, самый большой перечень признаков возможной дискриминации, которая должна исключаться. Среди них, в том числе, пол, гендерная идентичность, культурная идентичность, гражданское состояние, миграционный статус, сексуальная ориентация, состояние здоровья, наличие ВИЧ-инфекции, инвалидность, физические различия и т.д.

Тенденция изменения подходов регулирования правового положения личности проявляется и в регулировании отдельных прав и свобод. Во-первых, расширяется круг их субъектов. Так, отдельно оговорен правовой статус детей в учредительных документах Сомали (ст. 29 Конституции 2012 г.), Южного Судана (ст. 17 Конституции 2011 г.), Кыргызстана (ст. 27 Конституции 2021 г.), Сербии (ст. 38, 64–66 Конституции 2006 г.). В Бурунди в Конституции 2018 г. закреплено, что каждый ребенок имеет право на особые меры, обеспечивающие или улучшающие необходимую заботу о его благополучии, здоровье, физической безопасности, а также на защиту от плохого обращения, вымогательства или эксплуатации (ст. 44). Ни один ребенок не может быть напрямую использован в вооруженном конфликте.

Защита детей обеспечивается в период вооруженного конфликта (ст. 45). Ни один ребенок не может быть задержан, за исключением случаев, когда это является крайней мерой; в этом случае задержание ребенка будет максимально коротким. Каждый ребенок

имеет право содержаться отдельно от заключенных старше 16 лет и подвергаться обращению и условиям содержания, соответствующим его возрасту (ст. 46).

В Черногории особо оговариваются права детей, матерей, беременных женщин и меры их защиты (ст. 72–73 Конституции 2007 г.). Правовой статус детей и лиц с ограниченными возможностями предусмотрен в Конституции Фиджи 2013 г. (ст. 41–42), в Конституции Эсвантини 2005 г. (ст. 29–30); в Кот-д'Ивуаре Конституция 2016 г. предусматривает особое регулирование в отношении лиц с ограниченными возможностями (ст. 33) и молодежи (ст. 34). Отдельное правовое регулирование конституционного правового статуса молодежи, детей, инвалидов, пожилых людей предусмотрено в Конституции Египта 2014 г. (ст. 80–83), в Конституции Нигера 2010 г. (ст. 22–26), в Конституции Туниса 2022 г. (ст. 13, 52–54). В Конституции Зимбабве 2013 г. помимо вышеуказанных групп, предусмотрено правовое регулирование для Ветеранов освободительной борьбы (ст. 19–23). В статье 31 Конституции Республики Конго 2015 г. указано, что престарелые и инвалиды имеют право на меры защиты, связанные с их физическими, моральными или иными потребностями, ввиду их полного развития в условиях, определяемых законом. Государство обязано содействовать участию лиц с ограниченными возможностями в национальных и местных учреждениях и администрациях.

Особая защита детей, молодежи, пожилых и обездоленных людей предусмотрена в ст. 35 Конституции Мальдив 2008 г. Отдельно о правовом статусе детей, молодежи и пожилых говорится и в Конституции Туниса 2022 г. В ст. 13 закреплено, что государство стремится создать условия, необходимые для развития способностей молодежи, и дать ей возможность использовать все средства для эффективного содействия всестороннему развитию страны. Правовой статус молодежи регулируется в ст. 29, а детей и подростков – в ст. 39–40 Конституции Республики Конго 2015 г. В Марокко ст. 32–33 регулируют правовой статус детей и молодежи. Только правовой статус детей отдельно урегулирован в ст. 47 Конституции Мозамбика 2004 г.

Таким образом, если раньше отдельно оговаривался принцип равноправия в отношении женщин и предусматривалось особое регулирование их правового статуса, защищающее от дискриминации, то сейчас перечень субъектов расширен за счет указания детей, молодежи, инвалидов и пр.

Во-вторых, появляются новые права и свободы. Например, в учредительных документах можно встретить право на личность, а в ст. 32 Конституции Анголы 2010 г. закреплено право на личную идентичность.

В-третьих, меняется содержание традиционно закрепляемых прав и свобод. Например, в отношении права на личную неприкосновенность. Сейчас все чаще уточняют, о какой именно неприкосновенности идет речь. О моральной говорится в конституциях Анголы, Коморских островов, Кубы, Марокко, Нигера, Чада; о физической и психологической – Боливии, Бурунди, Сербии, Косово, Руанды; об интеллектуальной – Анголы; о сексуальной – Боливии. В Доминиканской

Республике в ст. 42 установлено, что все люди имеют право на уважение их физической, психической, моральной целостности и права на жизнь без насилия.

С развитием современных технологий, в текстах учредительных документов свое осмысление находят и информационные права. Так, согласно ст. 38 Конституции Туниса 2022 г., государство стремится гарантировать право доступа к сетям связи.

Кроме того, расширяется перечень и содержание соматических прав человека, проявляется тенденция «новой витальности», желания человека раскрыть силы и возможности в соответствии с законами природы, раскрыть свой биологический потенциал [17]. Так, ст. 2 Конституции Венгрии 2011 г. охраняет жизнь плода с момента зачатия. Статья 3 Конституции Венгрии 2011 г. запрещает проводить медицинские и научные эксперименты над людьми без их осознанного и добровольного согласия. Запрещаются практики, направленные на евгенику, использование человеческого тела или его частей в целях получения финансовой выгоды, а также клонирование человека. Статья 24 Конституции Сербии 2006 г. запрещает клонирование человека.

В Черногории ст. 27 посвящена вопросам биомедицины. В ней гарантируются права личности и достоинства человека в отношении применения достижений биологии и медицины. Запрещается любое вмешательство, направленное на создание человека, генетически идентичного другому человеку, живому или мертвому. Запрещается проводить медицинские и иные эксперименты над людьми без их разрешения.

В статье 60 Конституции Египта 2014 г. гарантируется неприкосновенность тела человека. Торговля органами запрещается, и ни один медицинский или научный эксперимент не может проводиться без документально подтвержденного свободного согласия субъекта в соответствии с установленными принципами медицинской сферы, регулируемые законом. О донорстве тканей и органов человека как о даре жизни говорится в ст. 61 Конституции этой страны, что дает морально нравственную окраску нормы права. Закреплено, что каждый человек имеет право жертвовать органы своего тела при жизни или после смерти на основании задокументированного согласия или завещания. Государство обязуется создать механизм регулирования правил донорства и трансплантации органов в соответствии с законом.

Конституция Доминиканской Республики 2015 г. в ст. 37 предусматривает, что право на жизнь неприкосновенно от зачатия до смерти. Конституция Мадагаскара 2010 г. в ст. 8 запрещает подвергать человека без его свободного согласия медицинскому или научному эксперименту.

Признавая непреходящее значение удовлетворения витальных потребностей как базовых для развития человека, во многих конституциях сделан акцент на социально-экономическом благополучии населения. Например, об обязанности государства разрабатывать и реализовывать эффективные программы развития промышленности, расширения производства, а также защиты деятельности ремесленников в целях повышения уровня жизни народа указывается в ст. 13 Консти-

туции Афганистана 2004 г. Глава II Конституции Кыргызстана 2021 г. носит название «Социально-экономические основы конституционного строя» и регулирует разные формы собственности на имущество, в том числе на землю, бюджетные отношения, закрепляет правовой статус семьи как основы общества и т.д. В статье 21 Конституции Анголы 2010 г. среди целей государства установлено содействие государства в повышении благосостояния, социальной солидарности и улучшения качества жизни народа Анголы, особенно среди наиболее обездоленных слоев населения, содействовать искоренению нищеты. Тем самым конституционализируется термин «качество жизни», активно сейчас используемый в исследованиях соматических прав человека в целом, и вопроса допустимости эвтаназии в частности. В статье 8 Конституции Египта 2014 г. общество основано на социальной солидарности, а государство обязуется добиваться социальной справедливости. В статье 16 Конституции Туниса 2022 г. закреплено, что богатство нации принадлежит тунисскому народу, и государство должно работать над распределением своих доходов на основе справедливости и равноправия среди граждан во всех частях республики.

В качестве другой тенденции конституционного развития в XXI в. отмечается явление, которое можно условно назвать правовой полидискурсивностью. Если еще в 1990-е гг. при принятии Конституции РФ исходили не столько из принципа политической ангажированности и включения наибольшего количества правовых институтов, разработанных в науке и практике национального и зарубежного конституционного строительства, сколько исходя из научной обоснованности, учитывали необходимость соблюдения последовательности изложения норм конституционного права соотносительно достижениям доктрины, то сейчас ситуация меняется. Например, в ряде проектов конституции России, разрабатываемых в рамках Конституционной комиссии и Конституционного совещания (1990–1993 гг.), наша страна определялась как светская и социальная, наряду с прочими характеристиками: демократическая, правовая и т.д. Позже термины «светское» и «социальное» были выведены из формулировки ст. 1 проектов Конституции. Норма стала в основном характеризовать форму государства, т.е. организацию государственной власти на территории Российской Федерации, неразрывно связанную с его сущностью и социальным назначением. По этому вопросу высказывался член рабочей комиссии по доработке проекта Конституции на заседании 18 июня 1993 г. А.Я. Слива: «Мы руководствовались тем, что если сюда добавить “светское”, то возникает вопрос о социальном, и количестве характеристик государства, переходящее в качество, делает вообще неудобочитаемой эту часть. Поэтому мы ограничились только “суверенным демократическим федеративным правовым” – четырьмя элементами» [18. С. 13]. Впоследствии формулировку ст. 1 снова хотели расширить, но поправка не была принята, за что высказывались видные ученые Б.Н. Топорнин, Е.М. Ларионов и другие.

«Статья 1 – это основные признаки государства, подчеркивается – демократическое, правовое и федеративное. Три основных принципа государства. Поэтому еще “светское, социальное”... не надо добавлять» [19. С. 374]. В такой позиции прослеживается последовательная реализация научного системного подхода.

В свою очередь, в современных конституциях зарубежных стран наблюдается примечательное текстуальное «соседство» характеристик формы государства, например, с социальным, экологическим и т.д. Кроме того, в одних случаях в первой статье учредительных актов указываются характеристики государства (Афганистан, Боливия, Бурунди, Венгрия, Восточный Тимор, Кыргызстан), а в других – народа (Мадагаскар).

Еще одна тенденция развития учредительных документов в XXI в. проявляется в пересмотре подходов к обеспечению безопасности территории. Конституционное осмысление получают такие категории, как терроризм, права граждан в сфере безопасности, отдельное регулирование находят вопросы чрезвычайного положения, национальной обороны и безопасности. Например, мир может рассматриваться как цель государства или принцип государственной политики (ст. 30 Конституции Бахрейна 2002 г., ст. 10 Конституции Зимбабве 2013 г., ст. 7 Конституции Катара 2003 г., ч. 1 ст. 22 Конституции Мозамбик 2004 г.), как принцип основ конституционного строя (ч. 1 ст. 7 Конституции Республики Косово 2008 г.). Согласно ст. 5 Конституции Эквадора 2008 г., это государство является территорией мира. Миротворчивая внешняя политика, отказ от целей экспансии и агрессии провозглашены в конституциях Кыргызстана. Статья 10 Конституции Боливии 2009 г. прямо называет государство пацифистским. В статье 9 Конституции Бутана 2008 г. закреплена приверженность государства к миру и дружбе во всем мире.

Согласно ст. 28 Конституции Алжира 2020 г., государство несет ответственность за безопасность людей и имущества. В Анголе на конституционном уровне определены основные задачи государства (ст. 21), среди которых указана гарантия национальной независимости, территориальной целостности и национального суверенитета. Согласно ст. 19 Конституции Катара 2003 г., государство обеспечивает безопасность.

Согласно ст. 11 Конституции Анголы 2010 г., которая называется «Мир и национальная безопасность», перед Республикой ставится цель быть страной, преданной миру и прогрессу, и обязанностью государства. Установлено, что правом и ответственностью всех является обеспечение мира и национальной безопасности, соблюдение Конституции и закона, а также международных договоров. Национальная безопасность основывается на верховенстве права и законодательства, развитии системы национальной безопасности и укреплении национальной воли и гарантирует защиту государства, обеспечение стабильности и развития перед лицом любых угроз и рисков.

В целях создания и поддержания мира и безопасности, а также достижения устойчивого развития человечества государства берут на себя обязательства по сотрудничеству со всеми народами и странами мира. Это

закреплено в ст. Q Конституции Венгрии 2011 г. В качестве ответа на террористическую угрозу термин «терроризм» и его производные все шире стал использоваться непосредственно в тексте конституций. Согласно ст. 12 Конституции Анголы 2010 г., Республика устанавливает дружественные и партнерские отношения со всеми государствами и народами, отвергая и борясь с терроризмом, торговлей наркотиками, расизмом, коррупцией, торговлей людьми и человеческими органами. В Афганистане государство препятствует всем видам террористической деятельности (ст. 7 Конституции 2004 г.). В Ираке государство обязуется бороться с терроризмом во всех его формах и прилагать усилия для защиты своей территории от использования в качестве базы, пути или поля террористической деятельности (ст. 7 Конституции 2005 г.).

Актуализация международных проблем заставляет государства защищать национальные интересы в сфере экологической безопасности. В ряде стран в качестве цели (или задачи) государства ставится защита окружающей среды и сохранение природных ресурсов (п. f ст. 9 Конституции Восточного Тимора). Экологические права, например право жить в здоровой и незагрязненной окружающей среде, предусмотрены в конституциях Анголы, Венгрии, Сербии, Черногории, Египта, Кот-д'Ивуара, Республики Конго, Руанды, Сомали, Южного Судана. Согласно ст. 64 Конституции Алжира 2020 г., гарантируется право на получение безопасной питьевой воды. Государство обеспечивает рациональное использование и сохранение воды для будущих поколений. Согласно ст. 15 Конституции Афганистана 2004 г., государство обязано принимать необходимые меры по охране и улучшению лесов, а также среды обитания. В статье 20 Конституции Боливии 2009 г. закреплено, что каждый человек имеет право на всеобщий и равный доступ к основным услугам питьевого водоснабжения, канализации и т.д. Согласно ст. 47 Конституции Туниса 2022 г., государство гарантирует право на здоровую и сбалансированную окружающую среду и на содействие климатической безопасности. Государство должно предоставить средства для устранения загрязнения окружающей среды. Глава сорок восьмая. Государство должно обеспечивать всех питьевой водой на равных условиях и сохранять водные ресурсы для будущих поколений.

Конституция Доминиканской Республики 2015 г. содержит главу IV «О природных ресурсах», состоящую из четырех статей, где генетические ресурсы и биоразнообразие признаются национальным достоянием; закреплено, что вода является неотъемлемым, неотчуждаемым стратегическим национальным достоянием для использования общественностью; регулируется статус особо охраняемых природных территорий; установлены правила эксплуатации природных ресурсов и т.д. Согласно ст. 79 Конституции Египта 2014 г., каждый гражданин имеет право на здоровое, достаточное количество пищи и чистую воду. Государство должно предоставлять продовольственные ресурсы всем гражданам. В статье 43 Конституции Коморских островов 2018 г. предусматривается, что все граждане имеют право на здоровую и экологически стабильную

окружающую среду, а также обязаны ее защищать и сохранять.

Государство и общины должны принять политику обороны и защиты окружающей среды в сотрудничестве с группами по защите окружающей среды и следить за рациональным использованием всех природных ресурсов. В Республике Конго ряд статей посвящен экологическим вопросам. Статья 41 Конституции 2015 г. возлагает на государство обязанность заботиться об охране и сохранении окружающей среды. Статьи 42–43 регулируют условия обращения с токсичными отходами.

В Косово ч. 1 ст. 52 Конституции 2008 г. возлагает на каждого ответственность за природу и биоразнообразие, окружающую среду и национальное наследие. В Мальдивах, согласно ст. 22 Конституции 2008 г., как фундаментальная закреплена обязанность государства защищать и сохранять природную среду, биоразнообразие, ресурсы и красоту страны на благо нынешнего и будущих поколений.

В Фиджи, согласно ст. 1 Конституции 2013 г., каждый человек имеет право на чистую и здоровую окружающую среду, что включает право на охрану природы на благо нынешнего и будущих поколений посредством законодательных и иных мер. В той мере, в какой это необходимо, закон или административное действие, предпринятое в соответствии с законом, могут ограничивать или разрешать ограничение прав, изложенных в настоящем разделе.

Таким образом, можно отметить, что конституционное развитие зарубежных стран в XXI в. идет в фарватере изменений в обществе. В начале XXI в. на смену постмодерна с его двусмысленностью, деконструкцией, принципом деканонизации, гибридизацией, фетишизацией предметов потребления и другими проявлениями постиндустриального общества [20] приходит новый этап, который в литературе называется по-разному. Но в качестве общей черты исследователи отмечают колебательные движения между положениями с диаметрально противоположными идеями [21]. Нормы права, а тем более конституционного, являясь продуктом общественного развития, предопределяют его дальнейший ход, воспринимают и закрепляют изменения в общественном развитии. В.Д. Зорькин в своей публикации отмечает, что можно «порассуждать об актуальных правовых проблемах в контексте парадигмы метамодерна, которая, по-видимому, верно уловила какие-то новые тенденции в философском осмыслении социальных явлений» [22]. Конституционные преобразования должны учитывать подобные изменения, происходящие в обществе. Создавая новые нормы права, не должно происходить разрыва между ними и реально складывающимися общественными отношениями, что чревато кризисными проявлениями.

В России в 2020 г. была проведена конституционная реформа. Специалисты называют несколько основных направлений в ее содержании [3], три из которых отражают общемировые тенденции конституционного развития. Во-первых, осмысление глобализации и место национального конституционного права, что проявляется в протекционизме и защите национальной правовой иден-

тичности от внешних вызовов. Поправками пересмотрено соотношение национального и международного права. Они разграничивают ратифицированные международные договоры и их толкования, данные в решениях межгосударственных органов.

При этом последние, в случае противоречия Конституции РФ, могут не исполняться в России (ст. 79). Кроме того, у Конституционного Суда РФ появилось новое полномочие: решение вопроса о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации, в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного права порядка Российской Федерации (ст. 125).

Это полномочие, с одной стороны, ставит под сомнение возможность человека и гражданина обращаться в международные органы для защиты своих прав и свобод (ч. 3 ст. 46), а с другой стороны, выражает протекционистские тенденции в правовом развитии страны.

Во-вторых, в текст Конституции РФ включены новые идеологические понятия (принцип «экономической, политической и социальной солидарности», «вера в Бога», «память народа», институт «брака как союза мужчины и женщины» и т.д.), ставящих в приоритет государственный суверенитет, социальные права и национальную идентичность. В этом проявились изменения ценностей российского общества и переход от либеральных к более консервативным. Кроме того, как отмечает А.А. Кондрашев, эти поправки содержат определения, которые не несут понятной регулятивной нагрузки, являются декларативными [23]. В свою очередь, можно добавить, что подобные понятия обращаются к иррациональным категориям, основанным на эмоциональных переживаниях, трудно верифицируются, а их определения могут быть субъективно окрашены.

В-третьих, централизация, проявившаяся в закреплении принципа единства системы публичной власти. После внесения поправок значительно изменился статус местного самоуправления. Согласно ч. 3 ст. 132 Конституции РФ, органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в РФ. Ее согласованное функционирование и взаимодействие органов обеспечивает Президент РФ (ч. 2 ст. 80).

В целом поправками 2020 г. в Конституции РФ был сделан акцент на новом международном и социальном контексте с целью консолидации общества и легитимации политического режима.

В заключение можно отметить, что основными тенденциями конституционного развития в мире стали: закрепление принципов и целей государственного строительства, среди которых часто фигурируют приверженность справедливости, ценностям права и т.д.; указание на укрепление национального единства и усиление национальной идентичности; изменения в подходах

к регулированию прав и свобод человека и гражданина и появление новых прав человека; акцент на социально-экономическом благополучии; закрепление мер по обеспечению безопасности территории и защите национальных интересов. В России в ходе проведения конституционной реформы 2020 г. эти тенденции также нашли

свое осмысление и отражение в учредительном документе страны. Можно констатировать, что при всех разрозненных оценках проведенных конституционных преобразований в нашей стране, они соответствуют основным общемировым тенденциям и отражают переход нашего общества на новый этап своего развития.

Примечание

¹ Временный акт, подписанный представителями Переходного военного совета и альянса «Силы свободы и перемен» 4 августа 2019 г. Хартия заменила Временную национальную конституцию Республики Судан 2005 г., принятую 6 июля 2005 г., действие которой было приостановлено 11 апреля 2019 г. генерал-лейтенантом Ахмедом Авадом ибн Ауфом в результате суданского государственного переворота 2019 г.

Список источников

1. Vermeulen T., Akker R. Notes on metamodernism // *Journal of Aesthetics & Culture*. 2010. Vol. 2. Art. No. 5677. 10.3402/jac.v2i0.5677
2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202003140001> (дата обращения: 22.03.2025).
3. Кондрашов А.А. Конституционные поправки – 2020: о коллизиях и дефектах, порождающих неустрашимые конфликты между «вечными главами» и главами 3–8 Конституции России // *Конституционное и муниципальное право*. 2021. № 3. С. 18–29.
4. Авакьян С.А. Конституционная реформа 2020 и российский парламентаризм: реальность, решения, ожидания // *Вестник Московского областного университета*. Серия: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 7–33.
5. Черепанов В.А. О необходимости и целесообразности конституционных изменений // *Российская юстиция*. 2020. № 8. С. 35–38.
6. Румянцев О.Г. Конституционная реформа – 2020 в Российской Федерации: пристрастная оценка // *Конституционный вестник*. 2020. № 5 (23). С. 6–32.
7. Алебастрова И.А. У Конституции есть первородный грех, и наши власти решили согрешить еще [интервью с И.А. Алебастровой] // *Закон*. 2020. № 5. С. 17.
8. Хабриева Т.Я., Андриченко Л.В. Конституционные реформы на постсоветском пространстве: тенденции развития // *Вестник Пермского университета*. Юридические науки. 2017. Вып. 37. С. 272–286.
9. Авдеев Д.А. Современная форма правления России // *Российское право: образование, практика, наука*. 2016. № 6. С. 25–27.
10. Курдюкова З.Н. Теоретические проблемы политической формы правления современного государства // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2009. № 4 (37). С. 59–62.
11. Понкин И.В. Правовые основы светскости государства и образования. М. : Про-Пресс, 2003. 416 с.
12. Останин А.В. Светское государство и демократия // *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 325. С. 104–107.
13. Ереклинцева Е.В. Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 25 с.
14. Саликов М.С., Нечкин А.В. Конституционные ценности современного российского государства // *European and Asian Law Review*. 2020. № 1. С. 69–75.
15. Авакьян С.А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М. : Юстицинформ, 2015. 640 с.
16. Кузнецова Е.В. Язык и национальная идентичность // *Омский научный вестник*. 2011. № 3. С. 102–104.
17. Виталистская социология культуры как отраслевая (специальная) теория социологического витализма начала XXI столетия / С.И. Григорьев, О.В. Даровских. М. : Магистр-Пресс, 2016. 51 с.
18. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы : в 21 т. Т. 12. М. : Юрид. лит., 1996. 468 с.
19. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы : в 21 т. Т. 18. М. : Юрид. лит., 1996. 440 с.
20. Семашко И.М. «Модерн»/«Постмодерн»: история контроверзы в работах Юргена Хабермаса и Жана-Франсуа Лиотара // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 9: Исследования молодых ученых. 2010. Вып. 8, ч. 1. С. 56–63.
21. Turner L. Metamodernism//Manifesto. URL: <http://www.metamodernism.org/> (дата обращения: 20.03.2025).
22. Зорькин В.Д. Приверженность верной философии права позволяет творить добро // *Российская газета*. 16.05.2019. URL: <https://rg.ru/2019/05/16/zorkin-priverzhennost-vernoj-filosofii-prava-razvoliaet-tvorit-dobro.html> (дата обращения: 20.03.2025).
23. Конституция России после реформы 2020 года: проблемный комментарий / И.А. Алебастрова, Е.В. Гриценко, А.П. Евсеев [и др.] ; отв. ред. А.Н. Медушевский. М. : Центр конституционных исследований, 2025. 432 с.

References

1. Vermeulen, T. & van den Akker, R. (2010) Notes on metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*. 2. Art. No. 5677. doi: 10.3402/jac.v2i0.5677
2. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2025) *Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020, No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Power"*. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202003140001> (Accessed: 22.03.2025). (In Russian).
3. Kondrashov, A.A. (2021) *Konstitutsionnye popravki – 2020: o kolliziyakh i defektakh, porozhdayushchikh neustranimym konfliktam mezhdu "vechnymi glavami" i glavami 3–8 Konstitutsii Rossii* [Constitutional Amendments – 2020: On Collisions and Defects Generating Irreconcilable Conflicts Between the "Eternal Chapters" and Chapters 3–8 of the Russian Constitution]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 3. pp. 18–29.
4. Avak'yan, S.A. (2020) *Konstitutsionnaya reforma 2020 i rossiyskiy parlamentarizm: real'nost', resheniya, ozhidaniya* [The 2020 Constitutional Reform and Russian Parliamentarism: Reality, Decisions, Expectations]. *Vestnik Moskovskogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya*. 3. pp. 7–33.
5. Cherepanov, V.A. (2020) *O neobkhodimosti i telesoobraznosti konstitutsionnykh izmeneniy* [On the Necessity and Expediency of Constitutional Changes]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 8. pp. 35–38.
6. Rumyantsev, O.G. (2020) *Konstitutsionnaya reforma – 2020 v Rossiyskoy Federatsii: pristrastnaya otsenka* [Constitutional Reform – 2020 in the Russian Federation: A Biased Assessment]. *Konstitutsionnyy vestnik*. 5 (23). pp. 6–32.
7. Alebastrova, I.A. (2020) *U Konstitutsii yest' pervorodnyy grekh, i nashi vlasti reshili sogreshit' eshche* [The Constitution Has an Original Sin, and Our Authorities Decided to Sin Again]. *Zakon*. 5. p. 17.
8. Khabrieva, T.Ya. & Andrichenko, L.V. (2017) *Konstitutsionnye reformy na postsovetском prostranstve: tendentsii razvitiya* [Constitutional Reforms in the Post-Soviet Space: Development Trends]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 37. pp. 272–286.

9. Avdeev, D.A. (2016) *Sovremennaya forma pravleniya Rossii* [The Modern Form of Government in Russia]. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*. 6. pp. 25–27.
10. Kurdyukova, Z.N. (2009) *Teoreticheskie problemy politicheskoy formy pravleniya sovremennogo gosudarstva* [Theoretical Problems of the Political Form of Government of the Modern State]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 4 (37). pp. 59–62.
11. Ponkin, I.V. (2003) *Pravovye osnovy svetskosti gosudarstva i obrazovaniya* [Legal Foundations of the Secular Nature of the State and Education]. Moscow: Pro-Press.
12. Ostanin, A.V. (2009) *Svetskoe gosudarstvo i demokratiya* [The Secular State and Democracy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 325. pp. 104–107.
13. Ereklintseva, E.V. (2010) *Suverenitet i demokratiya kak konstitutsionnye tsennosti sovremennoy Rossii* [Sovereignty and Democracy as Constitutional Values of Modern Russia]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
14. Salikov, M.S. & Nechkin, A.V. (2020) *Konstitutsionnye tsennosti sovremennogo rossiyskogo gosudarstva* [Constitutional Values of the Modern Russian State]. *European and Asian Law Review*. 1. pp. 69–75.
15. Avak'yan, S.A. (2015) *Konstitutsionnyy leksikon: Gosudarstvenno-pravovoy terminologicheskoy slovar'* [Constitutional Lexicon: State-Legal Terminological Dictionary]. Moscow: Yustitsinform.
16. Kuznetsova, E.V. (2011) *Yazyk i natsional'naya identichnost'* [Language and National Identity]. *Omskiy nauchnyy vestnik*. 3. pp. 102–104.
17. Grigor'ev, S.I. & Darovskikh, O.V. (2016) *Vitalistskaya sotsiologiya kul'tury kak otraslevaya (spetsial'naya) teoriya sotsiologicheskogo vitalizma nachala XXI stoletiya* [Vitalist Sociology of Culture as a Branch (Special) Theory of Sociological Vitalism of the Early 21st Century]. Moscow: Magistr-Press.
18. Anon. (1996) *Konstitutsionnoe soveshchanie. Stenogrammy. Materialy. Dokumenty: v 21 t.* [Constitutional Conference. Transcripts. Materials. Documents: In 21 Volumes]. Vol. 12. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
19. Anon. (1996) *Konstitutsionnoe soveshchanie. Stenogrammy. Materialy. Dokumenty: v 21 t.* [Constitutional Conference. Transcripts. Materials. Documents: In 21 Volumes]. Vol. 18. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
20. Semashko, I.M. (2010) "Modern"/"Postmodern": istoriya kontroversy v rabotakh Yurgena Khabermasa i Zhana-Fransua Liotara ["Modern"/"Postmodern": The History of a Controversy in the Works of Jürgen Habermas and Jean-François Lyotard]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9: Issledovaniya molodykh uchenykh*. 8 (1). pp. 56–63.
21. Turner, L. (2025) *Metamodernism//Manifesto*. [Online] Available from: <http://www.metamodernism.org/> (Accessed: 20.03.2025).
22. Zor'kin, V.D. (2019) *Priverzhennost' vernoj filosofii prava pozvolyaet tvorit' dobro* [Commitment to the Right Philosophy of Law Allows One to Do Good]. *Rossiyskaya gazeta*. May 16. [Online] Available from: <https://rg.ru/2019/05/16/zorkin-priverzhennost-vernoj-filosofii-prava-pozvoliaet-tvorit-dobro.html> (Accessed: 20.03.2025).
23. Medushevskiy, A.N. (ed.) (2025) *Konstitutsiya Rossii posle reformy 2020 goda: problemnyy kommentariy* [The Constitution of Russia After the 2020 Reform: A Problem-Oriented Commentary]. Moscow: Tsentr konstitutsionnykh issledovaniy.

Информация об авторе:

Исаева А.А. – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tess@mail2000.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Isaeva, Cand. Sci. (Law), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tess@mail2000.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.03.2025;
одобрена после рецензирования 06.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.*

*The article was submitted 24.03.2025;
approved after reviewing 06.05.2025; accepted for publication 30.05.2025.*